

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ГЕРОЯ...

— Генерал Линдберг,
в этой дыре ни в одном
магазине не нашлось
достаточного количества
хлопчатобумажного
полотна для вашего... трупа.

 Джон, много лет прислуживавший Чарльзу Линдбергу, знал: хозяин любит, чтобы вещи называли своими именами. Высокий худой старик с безупречной военной выправкой неодобрительно посмотрел на Джона. Слуга почувствовал, как под этим пронизывающим стальным взглядом серых глаз он съеживается до размеров мошки. Впрочем, едва ли кто-нибудь из домашних ощущал себя иначе в присутствии генерала.

— Значит, говоришь, только синтетика, — разочарованно повторил Линдберг. — Ну что ж, раз нет другого выхода... Дай руку, Джон, хочу посмотреть, выполнили ли мои указания относительно гроба.

Линдберг оперся на руку Джона, и они медленно, с частыми остановками (генерал страдал тяжелой одышкой) спустились в подвал, где мастера изготавливали

Spirit
of
St. Louis

Чарльз Линдберг решил на первый в истории трансатлантический перелет по маршруту Нью-Йорк—Париж. Вся Америка следила за самоубийственной, как тогда казалось, «авантюрой» соотечественника

тогда казалось, «авантюрой» соотечественника — летчик пытался совершить первый в истории трансатлантический перелет по маршруту Нью-Йорк — Париж. Чтобы взять на борт как можно больше горючего, Линдберг отказался не только от парашюта, но даже от радио — тогда приемники весили не менее 20 килограммов. После того как самолет «Дух Сент-Луиса» взмыл над американским побережьем, связь с пилотом оборвалась. Больше о нем не надеялись услышать. Однако 21 мая 1927 года около четырех часов по нью-йоркскому времени все радиостанции передали невероятную новость: Линдберг приземлился!!! Американец летел безостановочно 33 часа 30 минут! Наутро газеты во всех подробностях писали о том, что накануне творилось в аэропорту Ле Бурже, где сел самолет 25-летнего безумца.

...С утра плотный поток машин заградил проезд между Парижем и Ле Бурже. В самом аэропорту яблоку негде было упасть, 150-тысячная толпа стояла, задрав головы к небесам; накал волнения был таков, словно ожидалось явление Христа. Многие действительно твердили молитвы и славословия Богородице. Всего две недели назад над Атлантикой погибли два французских летчика: Нунгессер и Коли, пытавшиеся совершить такой же трансатлантический перелет; незадолго до этого пропали без вести еще два американца... Около десяти часов вечера из облаков вынырнул самолет, и в мгновение ока наступила благоговейная тишина. Но это оказался всего-навсего «Лондон Экспресс». В 22 часа 24 минуты, словно возникшая из небытия, на взлетное поле камнем обрушилась стальная птица. Толпа истерически закричала, в ответ тут же завывли сирены «скорой помощи» и полицейских машин. Худой высокий чело-

После того как самолет взмыл над побережьем Атлантики, связь с пилотом прервалась. Больше о Линдберге услышать не надеялись

гроб для легендарного летчика Чарльза Линдберга — простой, плоский, без излишеств и только из натурального дерева.

Недавно 72-летний генерал выписался из нью-йоркского госпиталя и знал, что жить ему осталось максимум две недели — рак лимфы. В тот же день они с женой Энн сели в самолет и улетели на гавайский остров Мауи. Здесь несколько лет назад Линдберг построил дом — подальше от цивилизации и ее двуногих обитателей, к которым у генерала были все основания испытывать, мягко говоря, неприязнь. Умереть он хотел только здесь.

Энн, прожившая с ним 45 лет, наблюдая за мужем, плакала тайком — не приведи Бог он увидит ее слезы! И плакала не столько оттого, что страшилась близкой смерти Чарльза, — она боялась, что, занятый приготовлениями к собственным похоронам, муж забудет с ней попрощаться. Энн знала этого человека лучше всех и... никогда не понимала. Это мучило ее всю жизнь. Когда она станет вдовой, ей останутся лишь воспоминания, но уже сейчас прошлое не давало покоя ни днем, ни ночью, вторгаясь в ее сны.

... В звездный час Линдберга Энн еще не была с ним знакома, но вместе со всей Америкой следила за самоубийственной, как

век в шлеме и защитных очках выбрался из кабины самолета, по-детски закрывая руками лицо от направленного на него яркого света прожекторов.

Чарльз часто рассказывал Энн, что, увидев устремившуюся к нему ревущую толпу, он почувствовал себя загнанным зверем, которого вот-вот подстрелят охотники. Летчик стоял совершенно оглушенный, не понимая, что происходит. Он двое суток не спал и не был уверен: приземлился ли на самом деле в Париже или это галлюцинация. Еще в небе ему начало мерещиться невеста что. Например, он помнит, что, заметив рыбацкую шхуну, опустил самолет совсем низко и крикнул находящимся на ней людям: «Эй, на шхуне, в какой стороне Ирландия?» Кто-то махнул рукой. Тогда он понял, что Атлантику, кажется, одолел. Но была ли рыбацкая шхуна на самом деле, теперь Чарльз сказать не мог. В уединении крошечной кабины он мечтал: «Если приземлюсь, сразу отправлюсь в ближайшую гостиницу, прямо там, в аэропорту, — и спать». «Посол США, господин Мирон Херрик», — проговорил кто-то ему прямо в ухо. Чарльз машинально пожал руку господину в черном костюме и услышал родную американскую речь.

«Это величайший подвиг, господин Линдберг, вас приветствует вся планета, Америка ликует. Президент посылает вам свои личные поздравления», — сказал посол Мирон Херрик. Парад в честь Чарльза Линдберга. 1927 г.

— Это величайший подвиг, господин Линдберг, величайший, вас приветствует вся планета, Америка ликует. Господин президент посылает вам свои личные поздравления...

...«Из грязи — в князи», — ворчал отец Энн, Дуайт Морроу, лощеный, гладко выбритый господин с безупречными манерами, служивший американским послом в Мексике.

Семья Морроу, как и все, с любопытством наблюдала, как на-

вдыхала, читая, что Линдберг ежедневно получает тысячи писем с девичьими фотографиями и предложениями руки и сердца. Даже голливудские звезды Мэри Пикфорд и Марлен Дитрих кокетливо признавались, что не прочь завязать отношения с романтическим летчиком. Без интервью с Линдбергом в 1927 году, кажется, не выходило ни одно издание. Застенчивый молодой человек отвечал на вопросы журналистов, и,

Даже голливудские звезды Мэри Пикфорд и Марлен Дитрих кокетливо признавались, что не прочь завязать отношения с героем-летчиком

бирает темпы восторженная истерия вокруг нового национального героя. Средняя дочь посла, 20-летняя Энн, студентка литературного отделения массачусетского колледжа, вырезала из газеты портрет летчика, повесила на стену в своей комнате и подолгу любовалась героем — Линдберг был по-голливудски фотогеничен — высокий голубоглазый красавец, к тому же отменно сложенный. И гораздо интереснее любой кинозвезды, потому что не играет героев, а герой на самом деле! Энн тайком

читая эти статьи, Энн досадливо морщилась от разбитной фамильярности дураков-репортеров. «Бедный Чарльз, он наверняка заливаётся краской от смущения и неловкости, постоянно отчитываясь, какой его любимый цвет, любимый галстук, любимое блюдо, любимая сказка и любимый размер женской груди», — думала Энн.

Отделяться шуточной молодой человек не умел и потому, мучительно подбирая слова, объяснял с комической честностью:

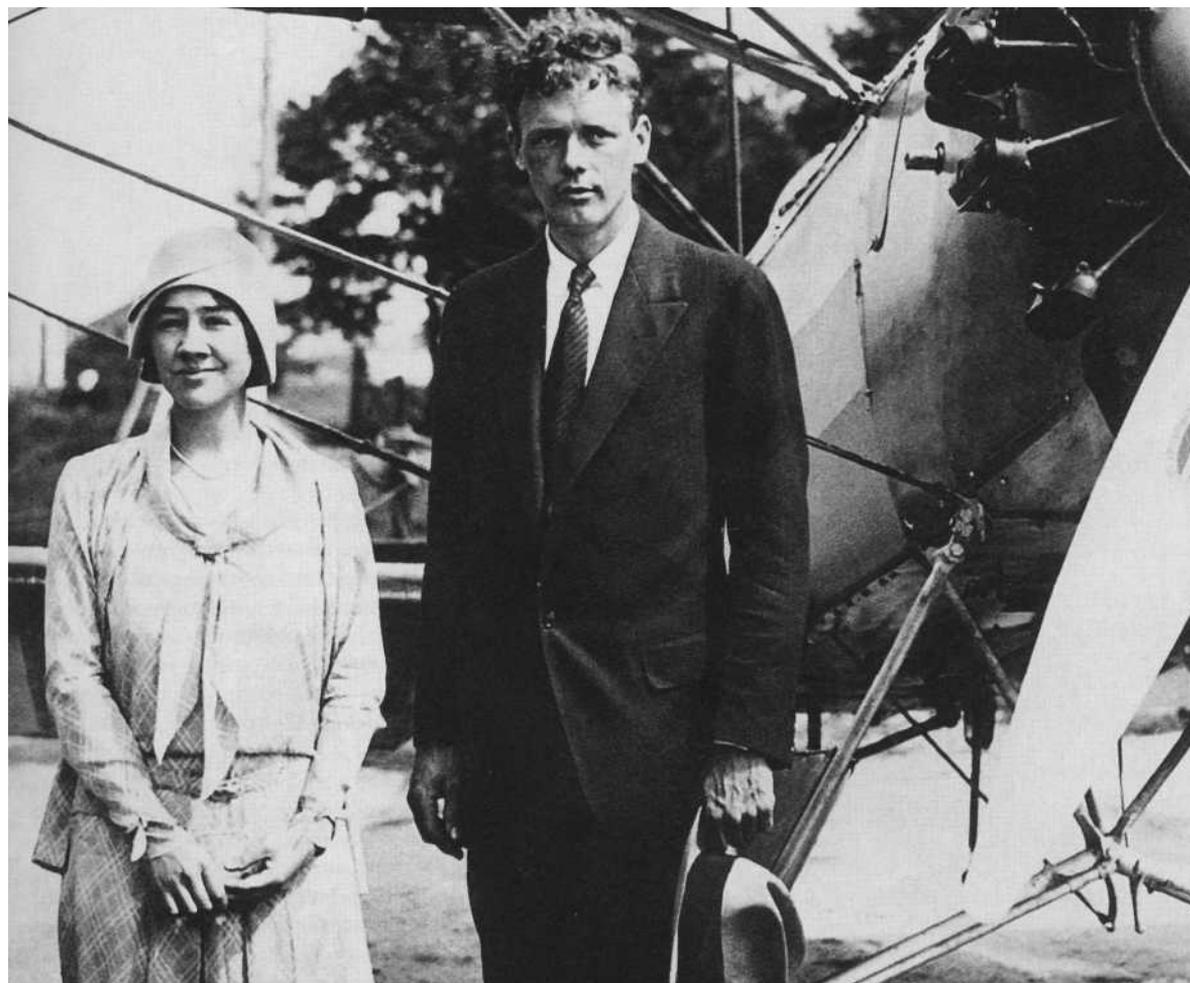
— Я всего несколько раз, точнее, три раза встречался с девушкой в последнем классе школы, то есть не встречался, просто мы ходили в кино, и я не заметил, какой у нее размер груди. У меня пока нет любимого размера... Видите ли, мне проще ответить, какой у меня любимый размер двигателя самолета...

Из прессы Энн знала многие подробности детства Линдберга — на эту тему, кстати, он почему-то говорил с явной неохотой. Да, он — провинциал из маленького городка Литл-Фоллс, что в штате Миннесота; река Миссури, на берегу которой мальчишкой часто играл, почему-то всегда ассоциировалась у него с небом и полетами, может быть, оттого, что такая широкая и своевольная; до исторического перелета он был незаметным пилотом почтового рейса Чикаго—Сент-Луис; колледж бросил после второго курса, потому что бредил самолетами... Поступил в летную школу имени Линкольна в Небраске... Энн поделилась мыслями со своей старшей сестрой Элизабет, тоже заочно влюбленной в Чарльза: наверняка в детстве Чарльз был ужасно одинок и несчастен. Эта догадка в глазах девушек придавала герою еще большее очарование. Энн где-то вычитала, что отец летчика, Чарльз Линдберг-старший, бросил семью, когда сыну было шесть лет, и Евангелии, скромная учительница химии, воспитывала сына одна. Чарльз рос замкнутым, с го-

ловой погруженным только в свою технику и не считал нужным делиться с матерью своими интересами и планами. Как все матери, Евангелии плакала, умоляя свое единственное чадо бросить «эти ужасные, страшные полеты», но переубедить не смогла. Миссис Линдберг узнала, что ее Чарли прыгает с парашютом, только когда его однажды принесли с раздробленной ногой после неудачного приземления. У Евангелии как-то даже вырвалось признание: в душе она надеялась, что нога неправильно срастется и сын бросит свои опасные затеи. Куда там! Нога срослась отлично, и Чарльз обрек мать на ужасные муки — каждую минуту тревожиться за его жизнь. Пока он летел через Атлантику, она лежала в спальне, до одури напившись успокоительных лекарств и засунув голову под подушку. Когда к ней шумной гурьбой ворвались журналисты с фотоаппаратами, материнское сердце будто сорвалось в пропасть, первая мысль, пришедшая ей тогда на ум, — сын погиб!

«Первый жених Америки» — называли Линдберга в прессе. Энн поначалу никак не могла взять в толк, каким образом летчик мог в одиночку разбогатеть и стать завидным женихом. Ответ на свой вопрос она узнала опять же из газет: во-первых, Линдберг получил денежный приз в 25 тысяч долларов от Рэймонда Ортега. Бизнесмен учредил его еще в 1919 году, объявив, что выплатит

Итак, Энн вышла замуж за героя, и жизнь ее круто изменилась. Она благоговела перед величием мужа: надо соответствовать оказанной чести, стараться не ударить лицом в грязь...

«Первый жених Америки» — называли Линдберга в прессе. В общей сложности за перелет он получил фантастическую по тем временам сумму — миллион долларов (слева направо: Нельсон, Линдберг, Филипп Лав. 1928 г.)

сумму тому, кто совершит беспосадочный перелет Нью-Йорк — Париж; честно говоря, Ортег был уверен, что с деньгами никогда не расстанется — едва ли найдется безумец, способный на такое! Просто таким способом он рекламировал собственный ресторанный бизнес. Ортег ошибся... Кроме того, несколько популяр-

А под Рождество того же 1927 года случилось чудо: Энн увидела героя своих девичьих грез воочию! Отец решил, что для укрепления мексикано-американских отношений неплохо бы пригласить этого Линдберга, обласканного всеми, включая королеванных особ Европы, в гости в Мехико. На приеме присут-

Миссис Линдберг узнала, что ее Чарли прыгает с парашютом, только когда его однажды принесли с раздробленной ногой после неудачного приземления

ных нью-йоркских и вашингтонских журналов выкупили у Чарльза за десять тысяч долларов права на авторизованную историю его перелета. Посыпались и бесчисленные рекламные предложения... Словом, Линдберг в общей сложности получил фантастическую по тем временам сумму — миллион долларов.

ствовали все посольские и многие высокопоставленные мексиканские чиновники. Трепещущая Энн, одетая в свое лучшее сиреневое платье с рюшами и воланами, с высокой прической, над которой все утро трудился парикмахер матери, оказалась за столом рядом с Чарльзом. Тысячу раз девушка мысленно пред-

ставляла себе эту встречу, а сейчас сидела будто набрав в рот воды. Зато сестра Энн, Элизабет, сидевшая по другую руку от Чарльза, раздурманившись от возбуждения, трещала как сорока, непрестанно задавая Линдбергу какие-то идиотские вопросы. Гость явно смущался и отвечал односложно. В жизни он оказался еще лучше, чем на фото, — в его манерах угадывалась мужская уверенность, а в скупой улыбке, — напротив, мальчишеский задор. В разгар вечера мать застала Энн в туалетной комнате — растрепанную, в слезах, с размазанной по щекам тушью.

— В чем дело? Что с тобой? — испуганно спросила миссис Морроу.

А дело в том, что герой ни разу не посмотрел в сторону несчастной влюбленной девушки, едва ли удостоив ее взглядом. Впрочем, неужели она такая самоуверенная дура, что всерьез надеялась понравиться самому популярному мужчине в стране? Когда Энн вернулась за стол, ее темные глаза были грустны, а взбитые черные кудри уныло повисли.

— Хотите, я вас покатаю? — вдруг услышала погруженная в свои нерадостные мысли Энн. К ней обращался он, Линдберг!

— На чем? — глупо спросила она.

— На самолете. Так вы хотите?

Потом, когда их роман был уже в разгаре, Энн спросила Чарльза, почему все-таки он выбрал именно ее. «Из сотен девушек, с которыми я в последнее время сталкивался, ты была единственной, которая не задала мне ни единого дурацкого вопроса и вела себя скромно и тихо». Как оказалось, Чарльз не выносил женской настойчивости и агрессии — эти черты были слишком развиты у его матери.

Свадьба Чарльза и Энн напоминала шпионский детектив. День церемонии — 27 мая 1929 года — держался в строгом секрете. Платье невесте наспех сшила местная швея; они венчались в доме родителей Энн — в Инглвуде, штат Нью-Джерси, а единственный свадебный букет Элизабет нарвала сестре в родительском саду. Не было ни единой фотографии торжественного события! Чтобы проехать мимо толпы репортеров, теперь вечно дежуривших у дома Морроу, жених с невестой залегли на пол нанятой машины, а добравшись до Лонг-Айленда, соблюдая строжайшую конспирацию, перебрались на поджидавшую их парусную яхту. Однако вскоре на след молодоженов все равно напали репортеры и устроили за Линдбергами настоящую охоту — на лодках и даже на самолетах. Один наглец пять часов кряду без устали метал в яхту пустые бутылки — откуда только столько нашлось? — чтобы выманить чету на палубу и сделать исторический снимок.

Итак, Энн вышла замуж за героя, и жизнь ее круто изменилась. Она благоговела перед величием мужа: надо соответствовать оказанной чести, стараться не ударить лицом в грязь... Не было больше мечтательницы Энн Морроу, лучшей студентки колледжа, подающей надежды писательницы, к 21 году получившей две престижные литературные премии. Она потребовала, чтобы Чарльз учил ее летать, заявив, что станет его штурманом. Сначала он скептически отнесся к словам этой хрупкой изнеженной девушки, выросшей в заповеднике богатого американского особняка и до 20 лет не выходившей без сопровождения из дома... Но в ее черных глазах горели решимость и преданное обожание. А «одиноким орлом» — это прозвище Линдбергу дали еще в летной школе — истосковался без друга, да и партнер на самом деле ему необходим: Чарльз не был дешевым авантюристом, которому просто повезло, как порой писали о нем в прессе, Линдберг был человеком дела и не собирался почивать на лаврах — его интересовали новые воздушные маршруты.

Энн отребовала, чтобы Чарльз учил ее летать, заявив, что станет его штурманом

невыносимая тряска; от этих дьявольских качелей Энн безостановочно рвало прямо на разбросанные по полу приборы и карты. Молиться она не умела и вместо молитвы мысленно повторяла свое последнее письмо к годовалому сынишке (что он делает сейчас — спит? бодрствует?): «Прости меня, мой маленький, прости, я не должна была бросать тебя!» «Я так виновата перед тобой, Чарли, прости меня», — лихорадочно твердила Энн, словно заклинание, и перед глазами вставал розовошекий кудрявый малыш, протягивающий к ней пухлые ручки. Энн знала: ее осудила по крайней мере вся женская половина человечества — в апреле 1930 года на седьмом месяце беременности она не захотела оставить мужа и вместе с ним совершила 14-часовой перелет Лос-Анджелес—Нью-Йорк. Но это мелочь — она ведь только вела наблюдения за солнцем — по сравнению с тем, что двумя месяцами раньше Чарльз-старший натаскивал жену, с бедолагой Чарли в утробе, в прыжках с парашютом! Тогда Энн стала первой женщиной, получившей в Америке лицензию пилота.

Снова резкое глубокое пики, падение в пропасть, скрежет двигателя, визг шасси... Брюхо самолета шмякнулось обо что-то плоское и твердое. «Почему я совсем не думаю о Чарльзе, ведь и его я больше не увижу? Мама! Мама!»

Энн очнулась в темной камерке с глинобитными стенами. Вокруг толпились странные низкорослые человечки в меховых капюшонах и сапогах из котикового меха. Увидев, что женщина открыла глаза, заулыбались, закивали и забормотали что-то на непонятном языке. Вошел Чарльз, наклонился, поцеловал жену и сказал, что она четыре дня была без сознания! Думали, не выживет. Теперь больную надо выхаживать, а на мыс — это все-таки оказался Пойнт Барроу — из-за сплошных льдов уже несколько месяцев не привозили продовольствия, остались только сушеная рыба и прошлогодние яйца.

С каждым днем Энн становилось все хуже. Тогда-то Чарльз в первый раз потряс ее до глубины души. Ей казалось, раз она умирает, муж должен утешать, говорить о своей любви, не покидая ее ни на минуту. Он же часами беседовал с эскимосами, собирал сведения о местности и производил какие-то замеры. Однажды Энн с величайшим трудом удалось вытащить из своей сумки чудом уцелевшее зеркальце, и, пока никто не видел, она с отчаянием глядявалась в свое отекавшее лицо и измученные мутные глаза. Может, из-за ее теперешнего уродства муж так неласков с ней?

У Энн заплетался язык, на лбу выступила испарина, а Чарльз,

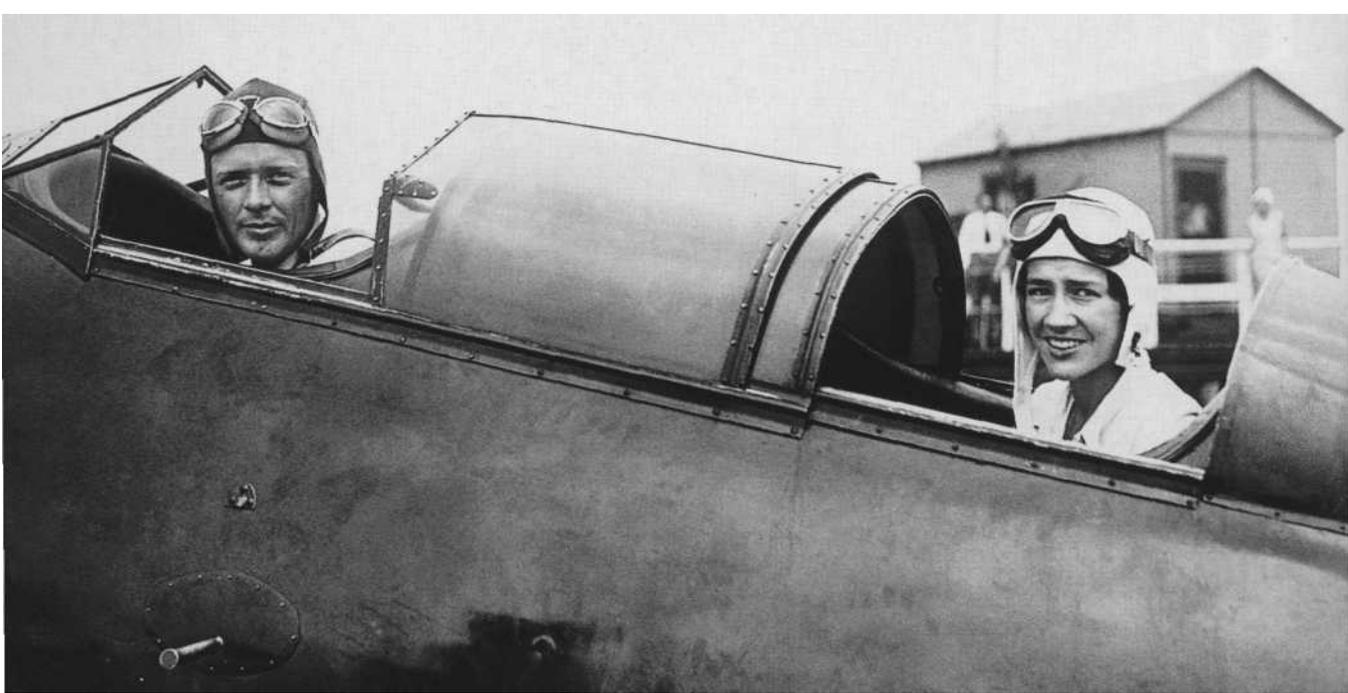
На след молодоженов напали репортеры. Один наглец пять часов метал в яхту пустые бутылки, чтобы выманить чету на палубу и сделать снимок

...Уже 12 часов они летели к Пойнт Барроу, самому северному мысу Аляски у Северного Ледовитого океана, по небу, на котором никогда не ложились ночные тени, но этот вечный свет был холодный, серый, потусторонний. Энн сидела сзади, в кабине штурмана, — к этому знаменитому полету по маршруту Нью-Йорк—Токио она уже стала опытным навигатором. Самолет в который раз сорвался в воздушную яму, и его сильно потрянуло. Вокруг — сплошной туман, на какой они высоте — один Бог знает; с курса давно сбились, и Чарльз ведет самолет вслепую. Опять

сидя на краю постели с какими-то картами, словно не замечая плачевного состояния жены, задавал и задавал вопросы о полете.

— После того как мы взлетели над Аклавиком, — голос Чарльза звучал, как всегда, методично и размеренно — положение солнца было...

Даже находясь при смерти, Энн боялась разочаровать своего героя и, преодолевая тошноту, слабость и адскую головную боль, старалась вспомнить все, что не успела занести в бортовой журнал.

Энн знала: ее осудила по крайней мере вся женская половина человечества — в апреле 1930 года на седьмом месяце беременности она не захотела оставить мужа и вместе с Чарльзом совершила 14-часовой перелет Лос-Анджелес—Нью-Йорк

— Мы на службе, Энни, — кратко отвечал Чарльз на ее тоскливый умоляющий взгляд.

Энн не умерла. Воздушное путешествие в Токио длилось целых пять с половиной месяцев, и супруги вернулись победителями. Впрочем, в другой роли Чарльза Линдберга нельзя было представить.

... — Генерал Линдберг остался доволен вырытой ему могилкой, сегодня он сам принимал участие в заключительных работах и лично делал замеры, — бесстрастно отпартовал Джон,

не обнаружила полуторагодовалого Чарли в кровати. Энн с Чарльзом в это время сидели в гостиной на втором этаже, и оба слышали, как за окном хрустнула сломанная ветка. Обыскали весь дом — ребенок бесследно исчез. Неподалеку от открытого окна спальни малыша Линдберг обнаружил лишь брошенную деревянную лестницу. Чуть позже, когда примчался начальник полиции штата Нью-Джерси Шварцкопф со своими людьми, на батарее нашли письмо: «Приготовьте \$ 50 тысяч: 25 тысяч — 20-долларовыми купюрами, 15 тысяч — 10-

Около десяти часов вечера няня Бетти Гоу не обнаружила полуторагодовалого Чарли в кровати. Обыскали весь дом — ребенок бесследно исчез

с сочувствием глядя на хозяйку: в последнее время она сильно сдала. Энн кивнула Джону. Возможно, со стороны поведение мужа казалось диким, но она давно научилась ничему не удивляться. Энн украдкой смахнула слезу и улыбнулась...

Больше сорока лет назад муж в первый раз приказал «сделать так, чтобы он никогда больше не видел ее слез». Они с Чарльзом жили тогда в Хоупуэлле. Супруги недавно купили дом в малонаселенной части Нью-Джерси, чтобы скрыться от назойливых репортеров, продолжавших преследовать их.

1 марта 1932 года около десяти часов вечера няня Бетти Гоу

долларовыми и 10 тысяч — 5-долларовыми. Через 2—4 дня мы сообщим вам, где передать деньги. Предупреждаем: не поднимайте шума и не сообщайте полиции. Ваш ребенок находится в хороших руках».

Дом наводнили полицейские, детективы и частные сыщики. Линдбергов пытались успокоить, говоря, что похитители, судя по всему, профессионалы и с ребенком не может случиться ничего плохого. Приехала мать Энн и неотлучно находилась при дочери: родные боялись за ее рассудок, к тому же Энн была беременна.

Энн Морроу-Линдберг с сыном Чарльзом в доме родителей. Инглвуд, Нью-Джерси. 1930 г.

Вся Америка была потрясена происшедшим. Президент поручил расследование ФБР, отдав приказ найти преступников любой ценой. Кажется, к поискам ребенка подключились следственные отделы всей страны, в Трентоне состоялось совещание, на которое съехались все самые известные криминалисты. Губернатор штата Нью-Джерси обратился к нации с призывом: всем и каждому принять участие в поимке дерзкого похитителя.

Энн, не находившая себе места от мучительных ожиданий, впервые в жизни позволила себе упрекнуть мужа:

— Может, не надо было устраивать такую шумиху? Лучше бы ты сам договорился с бандитами, ведь нас предупредили, а теперь...

Гнев Чарльза был страшен. Его обычно бесстрастные серые глаза загорелись безумием, и Энн испугалась, что сейчас муж убьет ее. Линдберг приказал жене, пока все не выяснится, не

Чарльз Линдберг с родителями жены — мистером и миссис Морроу и ее младшей сестрой Констанс

выходить из своей комнаты; за выполнение приказа отвечала перепуганная теща.

Через несколько дней Линдберг обнаружил в почтовом ящике новое послание: поскольку супруги нарушили условия и обратились в полицию, похитители требовали за ребенка уже не 50, а 70 тысяч долларов. Ближе к вечеру в доме раздался телефонный звонок, и человек, представившийся Линдбергу

квартирку старого учителя. (Возможно, все-таки возымели действие упреки Энн.) Больше всего на свете он боялся спугнуть преступников: за ними с Кондоном наверняка следят и если заметят вокруг сыщиков — конец надеждам.

Однажды вечером в дверь манхэттенской квартиры постучали: шофер такси протянул хозяину длинный конверт: в нем были указаны только адрес и время. Бедная миссис Кондон

«Верните ребенка, потом я отдам деньги», — потребовал Кондон. «Исключено, дед», — перебил бандит и навел на учителя пистолет

учителем Джоном Кондоном, дребезжащим голосом попросил о встрече по очень важному делу.

74-летний седой господин, оказавшийся почитателем Чарльза Линдберга, предложил посреднические услуги для связи с похитителями. Вскоре в центральной нью-йоркской газете появилось объявление, что Линдберги согласны заплатить выкуп и просят связаться с их посредником господином Кондоном.

Решив действовать самостоятельно, не уведомляя полицию, Чарльз временно переселился на Манхэттен, в маленькую

вцепилась в мужа, лихорадочно повторяя: «Ты никуда не пойдешь, я тебя не пущу!» Пока старый учитель успокаивал жену, Линдберг мрачно мерил шагами маленькую комнату.

Когда стемнело, он сам повез Кондона по указанному адресу: мужчины оказались в зловещем пустынном месте рядом с какой-то полуразрушенной галереей. Под половиком заброшенного кафе Кондону предписывалось забрать новое послание: «Двигайтесь вдоль забора к кладбищу, до улицы 233. Там встретимся». Линдберг пожал руку мужественному старику, и

тот, сторбившись, зашагал в неизвестность... Пронизывающий ветер сбивал с ног, обостренные нервы и интуиция подсказывали Кондону — за ним наблюдают. Приблизившись к воротам кладбища, учитель разглядел во тьме какую-то фигуру, делавшую ему знаки, и пошел навстречу. В глубине, среди деревьев и памятников, его ждал мужчина. Из-под полей надвинутой на лоб шляпы лица незнакомца учитель не разглядел, запомнил лишь горящие, как у кошки, глаза.

— Деньги принесли? — прозвучал голос с иностранным акцентом.

Кондон потребовал доказательств того, что ребенок у них. Незнакомец молча протянул детскую синюю пижамку. Поднеся ее к самым глазам, старик в конце концов нашел то, что искал — опознавательный знак, про который говорила Энн, — характерное пятно у ворота.

— Сначала верните ребенка. Потом я отдам деньги, — твердо потребовал Кондон.

— Исключено, дед, — развязно перебил бандит. — А ну-ка, давай деньги немедленно, слышь! — и навел на учителя пистолет.

— Где ребенок? — стараясь говорить спокойно, хрипло спросил Кондон.

Незнакомец вытащил из кармана конверт.

— Здесь указано, где найти мальчишку, но конверт вскрыете только через три часа и ни секундой раньше. Деньги!

Кондон протянул пакет с 70 тысячами долларов.

В машине Линдберг, не слушая возражений учителя, немедленно вскрыл письмо. «Ваш мальчик на «Нелли». Это небольшая лодка длиной 28 футов. Вы найдете ее между Хозенекс-бич и Кей-Хидом, вблизи острова Элизабет». В ту же ночь, 3 апреля 1932 года, Линдберг вылетел в указанное место северо-западнее Нью-Йорка и целые сутки искал сына. Но среди множества лодок «Нелли» на причале не оказалось...

12 мая 1932 года бледная, похожая на тень Энн с тусклыми, гладко зачесанными поредевшими волосами — все, что осталось от непослушной черной копны, тяжело опираясь на руку матери, вышла в сад подышать воздухом. Чарльза дома не было. У ворот стоял начальник полиции Нортон Шварцкопф. По его лицу Энн поняла: случилось что-то ужасное. Мертвое тело ребенка случайно обнаружили в лесу между Хоугтуэллом и Принстоном, на головке — след удара тяжелым предметом. Эксперты утверждают, что малыша убили прямо в день похищения. Энн потеряла сознание...

Вечером она тайком от Чарльза пробралась в детскую, открыла шкаф и зарылась лицом в вещи своего малыша: рубашки и штанишки источали родной, чуть сладковатый запах. Заткнув себе рот ползунками, Энн беззвучно рыдала.

В этот вечер супруги ужинали вдвоем. Шторы в столовой были плотно задернуты; Линдберг, аккуратный, подтянутый, в костюме и свежей рубашке — неужели его хватило на то, чтобы позаботиться об этом? — несколько раз раздраженно вызывал прислугу, распекая за небрежную сервировку и крошки на скатерти. Энн со страхом смотрела на мужа: Чарльз сидел, как обычно, прямо, с плотно сжатыми губами и непроницаемым лицом, только глаз немного подрагивал.

— Мы должны достойно перенести случившееся, Энн. У нас будут другие дети. Ты должна безопасно родить. И еще: мы больше никогда не будем говорить о Чарли. Я запрещаю, тебе ясно? Ни единого слова...

Затем Линдберг встал и покинул столовую.

С тех пор прошли десятилетия — и ни разу супруги не упомянули между собой имени своего первенца. Энн не смела излить мужу свою тоску, ужас и горе, не могла найти утешения в

1931 г. Первый день рождения маленького Чарльза Линдберга

его объятиях, а как же ей этого хотелось! Даже когда в январе 1935 года начался процесс над столяром Бруно Ричардом Хауптманом, обвинявшимся в убийстве сына Линдбергов, и супругам пришлось 32 дня провести в зале судебных заседаний, маленький Чарли оставался запретной темой.

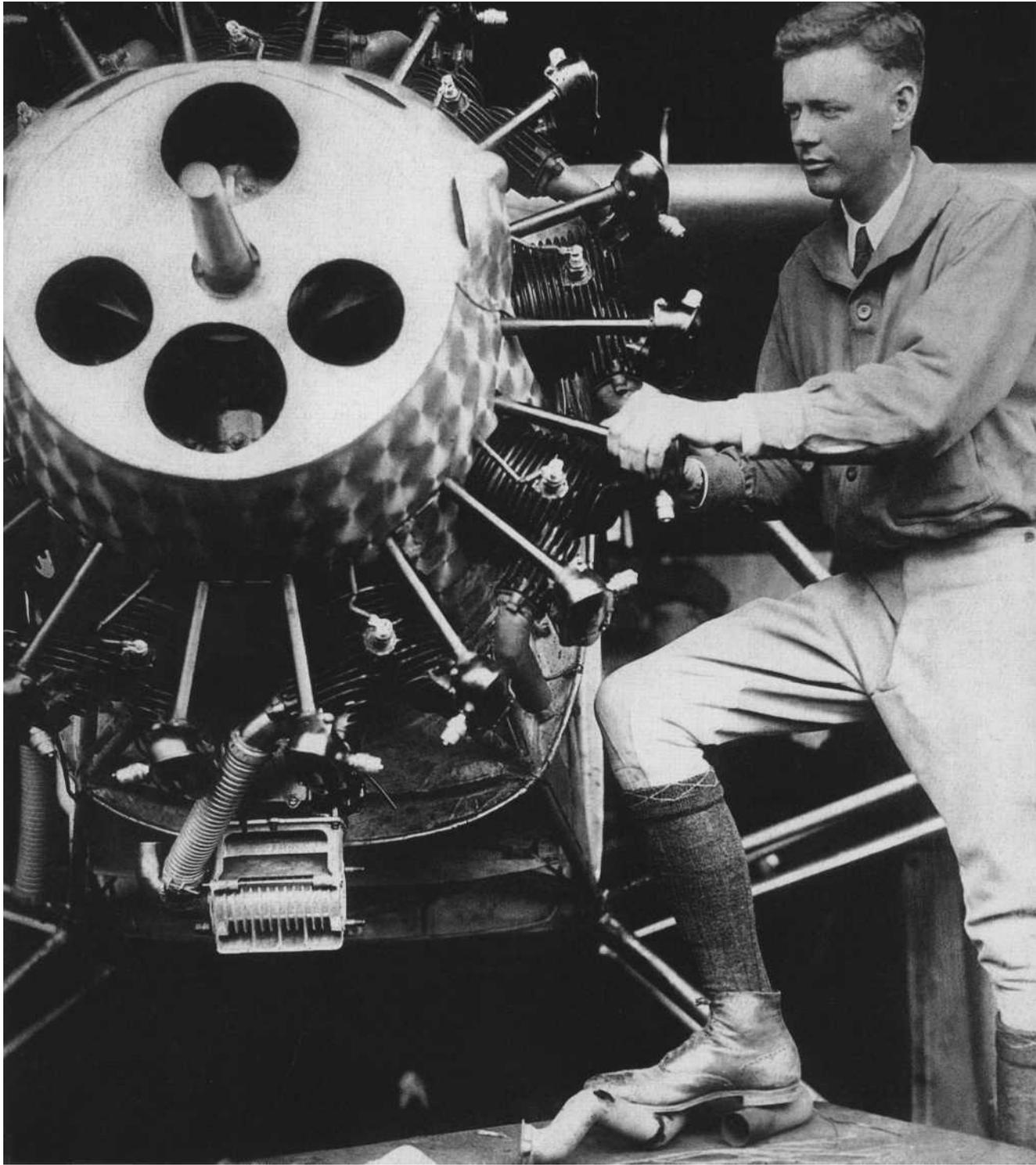
вой день под окном детской. Хауптман до последнего отрицал причастность к убийству, называя все это каким-то дьявольским недоразумением. Пока шел процесс, за стенами здания суда стояла тысячная толпа, оглушительно скандируя: «Смерть! Смерть!» И даже несмотря на то что пятеро присяжных выска-

Хауптман до последнего отрицал причастность к убийству. А за стенами здания суда стояла тысячная толпа, оглушительно скандируя: «Смерть! Смерть!»

Улик против Хауптмана было предостаточно: на одной из бензоколонок Нью-Йорка подсудимый расплатился купюрами, которые посредник передал бандитам, — Линдберг догадался переписать номера. При обыске на чердаке дома столяра нашли 41 тысячу долларов из тех же меченых денег и такие же доски, из которых была сделана лестница, оставленная в роко-

зались против — улики были косвенными, — судья Томас Тренчард вынес Хауптману смертный приговор. Энн прекрасно понимала: если бы столяра оправдали, толпа при выходе из зала суда разорвала бы его на части. Америка, потрясенная трагедией семьи Линдбергов, требовала кровавой мести.

...Множество людей, особенно молодых, мечтают стать геро-

«Одинокий орел» — это прозвище Линдбергу дали еще в летной школе — не был дешевым авантюристом, которому просто повезло, как потом писали о нем в прессе. Чарльз не собирался почивать на лаврах — его интересовали новые воздушные маршруты

ями, кумирами толпы. До чего же это наивно! Любовь толпы страшна так же, как ее ненависть... Вскоре Энн самой пришлось убедиться в этом. С тем же истерическим энтузиазмом, с каким Линдберга еще недавно превозносили, теперь вся страна во главе с президентом Рузвельтом его ненавидела: американцев возмутило решение супругов переехать в Англию. При

этом ни одному человеку не пришло в голову поставить себя на место Линдбергов: ведь вскоре после того как Энн родила второго сына, Джона, в их почтовом ящике опять стали появляться письма с угрозами похитить ребенка. Получив первое страшное послание, Энн месяц провела в клинике с нервным расстройством.

Даже несмотря на то что пятеро присяжных высказались против — улики были косвенными, — судья Томас Тренчард вынес Хауптману (в центре) смертный приговор. Если бы столюра оправдали, толпа при выходе из зала суда разорвала бы его на части

Вскоре после того как Энн родила второго сына, Джона, в почтовом ящике Линдбергов опять стали появляться письма с угрозами похитить ребенка

В 1938 году Линдберга пригласили посетить Германию, и там он принял из рук Гингера — правда, в стенах американского посольства и в присутствии американского посла — немецкую медаль за заслуги перед мировой авиацией. Гингер питал симпатию к шведу Линдбергу впрочем, как и ко всем шведам, поскольку его умершая жена была родом из этой скандинавской страны. На родине Линдберга тут же окрестили фашистом, а после резкого высказывания в адрес евреев — еще и ан-

тисемитом. Теперь Линдберги жили в полной изоляции, окруженные всеобщей ненавистью. Энн перестала выходить даже на улицу — как-то в магазине незнакомая женщина плюнула ей в лицо.

Энн чувствовала себя глубоко несчастной и катастрофически одинокой. Жизнь представлялась ей адским хаосом, в котором нет больше ни родных, ни близких — только злые лицемерные маски. Осталась единственная отдушина: она снова начала

писать. Уже вышло несколько книг, в основном о полетах, и сотни страниц дневников... Весной 1941 года в день ее рождения в центре Манхэттена на Чарльза напали молодчики в черном камуфляже, плеснули кислотой — слава Богу, не попали в лицо — и пырнули ножом. Чарльз лежал в кабинете бледный как полотно — он не позволял облегчать свои страдания наркотиками — его глаза из серых сделались почти черными. Врач признался: рана крайне опасная и он ничего не может гарантировать... Энн в соседней комнате билась головой о стенку и молилась, чтобы Чарльз не умер, ведь, кроме него, у нее никого нет. В минуту слабости она позвонила в Инглвуд сестре, попросив приехать ее

душных боев над Тихим океаном. В конце концов Рузвельт сменил гнев на милость и вернул Линдбергу звание генерала. ...«Мама, а ты все-таки любила папу или ненавидела?» — как-то спросила Рив. Проницательная девочка... Энн была женой — для людей ее поколения и ее круга этим все сказано. Она воспитала пятерых детей Чарльза, безропотно сносила его упрёки и вспышки бешенства. Дети боялись отца как огня и в его присутствии вели себя тихо, как мышки.

Однажды Чарльз нашел у старшего сына сигареты. Усадив смертельно перепуганного 12-летнего парнишку за стол, отец выложил целую пачку и сказал: «Кури. Пока все не выкуришь,

Весной 1941 года в центре Манхэттена на Линдберга напали молодчики в черном камуфляже, плеснули кислотой и пырнули ножом

поддержать, но Бетти ледяным тоном отрезала, что ноги ее не будет в доме «предателя, подонка и антисемита!» А ведь как была влюблена в Чарльза, как кокетничала на глазах Энн в первые годы их брака! Да что Элизабет — даже родная мать отказалась приехать! Миссис Морроу, к тому времени вдова сенатора Дуайта Морроу, заботясь о своей репутации, публично отмежевалась от впавшего в немилость зятя, а заодно и от дочери.

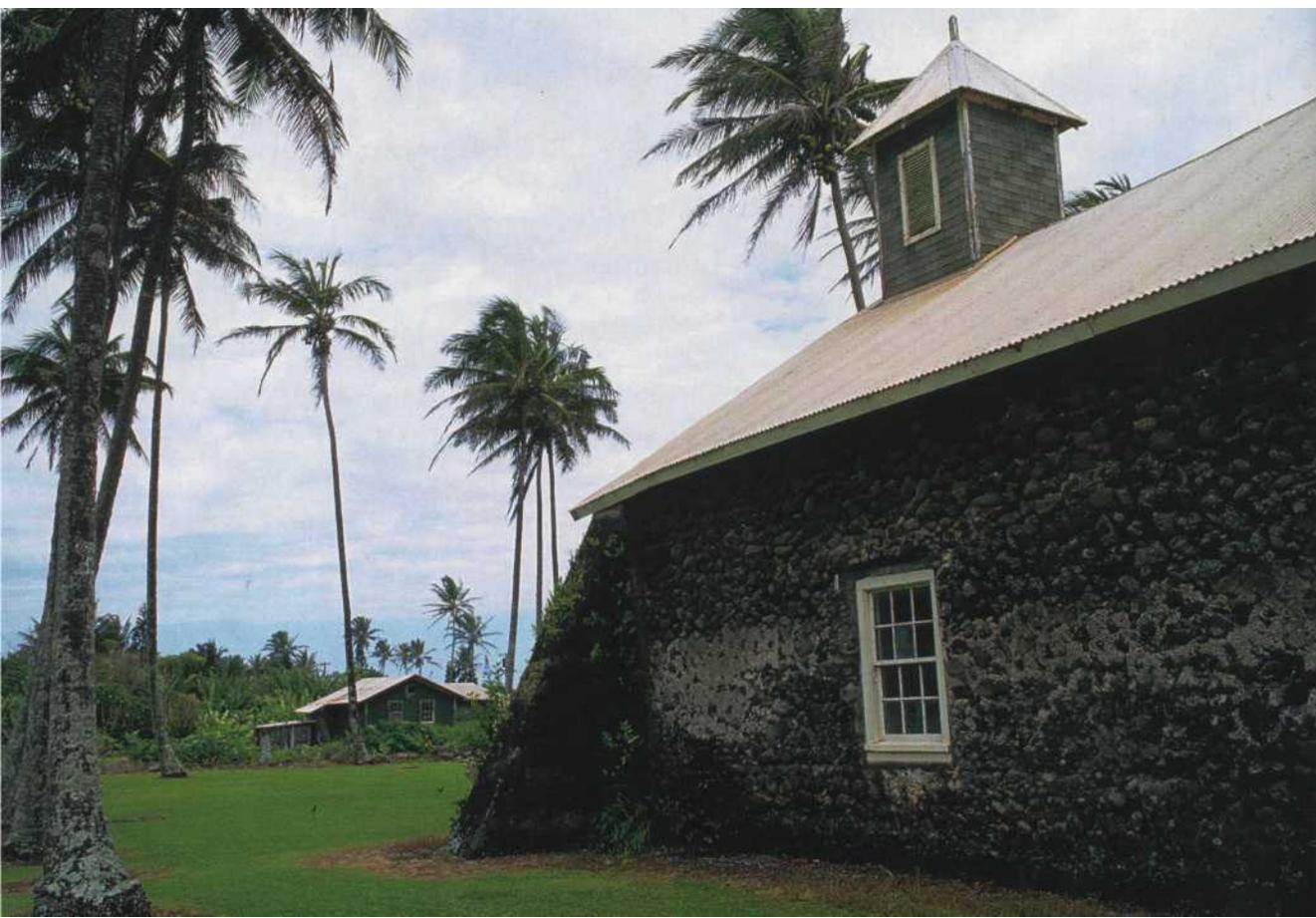
Но Чарльз, по-видимому, был сделан из стали, как и его самолеты. Едва поправившись — Америка к тому времени вступила в войну, — он пошел рядовым на фронт и провёл 50 воз-

из-за стола не выйдешь!» Энн рыдала и билась в запертую дверь, боясь, что Джонни отравится. Но Чарльз был неумолим.

«Я давно поняла, — писала Энн в дневнике, — что непонимание между мной и Чарльзом — это вечное непонимание между мужчиной и женщиной. Чарльз — настоящий мужчина, а я — всего лишь женщина. Когда-то в молодости он хотел сделать из меня подобие мужчины, товарища, но, кажется, глубоко разочаровался во мне...»

... — Чарли, можно я у тебя кое-что спрошу? — Энн задала мужу этот вопрос здесь, на Гавайях, когда они только сюда пере-

На гавайском острове Мауи Линдберг построил дом. Умереть он хотел только здесь...

Выйдя из Нью-Йоркского госпиталю, 72-летний генерал Линдберг знал: жить ему осталось максимум две недели — рак лимфы. В тот же день они с женой Энн сели в самолет и улетели на гавайский остров Мауи

ехали. Супругам было уже за шестьдесят: пожилые, отжившие свое люди, они сидели в шезлонгах на террасе, глядя на бирюзовую даль океана. — Что бы ты сделал, если бы я когда-нибудь тебе изменила? Убил?

— Ничего бы не сделал, — бесстрастным голосом ответил Линдберг, не меняя позы и не поворачивая головы.

Давняя привычная обида царапнула сердце — есть ли вообще на свете хоть что-нибудь, чем можно прогнать этого сухаря?! Оставалось утешаться тем, что Чарльз так говорит потому, что не сомневается в ее верности. Тогда он, слава Богу, ничего не понял...

...После пятидесяти Энн стали преследовать галлюцинации. Линдберги уже много лет жили в Коннектикуте. Энн вела хозяйство, много писала и страдала от монотонности и тоски — ей больше нечего было ждать от жизни сколько-нибудь значительных событий... Вдруг в одно прекрасное утро, открыв глаза, она увидела, как в спальню въехал самолет и из кабины вынесли маленького Чарли; сын обвил руками шею матери и начал горячо нашептывать что-то на ухо. Энн с наслаждением вдыхала его запах, трогала любимую родинку на правом плече... Потом вошел муж, требуя отдать мальчика — он будет учить сына прыгать с парашютом. Энн, заливаясь слезами, вцепилась в малыша, решив, что лучше умрет, чем отдаст его Чарльзу. Ее нашли без сознания...

Энн лечил доктор П. Грузный, с длинными смешными усами и горячими ладонями, — у Чарльза ладони всегда были ледяными. Стыдно признаться, но Энн первая прижалась к нему, как к печке, — так ей недоставало тепла. Доктор сразу понял проблему — отсутствие эмоционального контакта с мужем, на много лет замороженное горе, которому так и не дали выхода... Постель занимала второстепенное место в их отношениях — в основном разговоры, признания, воспоминания и сочувствие, вполне, впрочем, искреннее, которое щедро изливал на Энн врач. Времени у них было предостаточно — Чарльз почти всегда отсутствовал. Он больше не летал — разрушения, произведенные во время войны любимыми самолетами, привели Линдберга в ужас, и теперь он стал ярым защитником окружающей среды. Бывший герой-авиатор участвовал в экспедициях по спасению вымирающих животных. «Китов он явно понимает лучше, чем людей», — горько заметила как-то Энн.

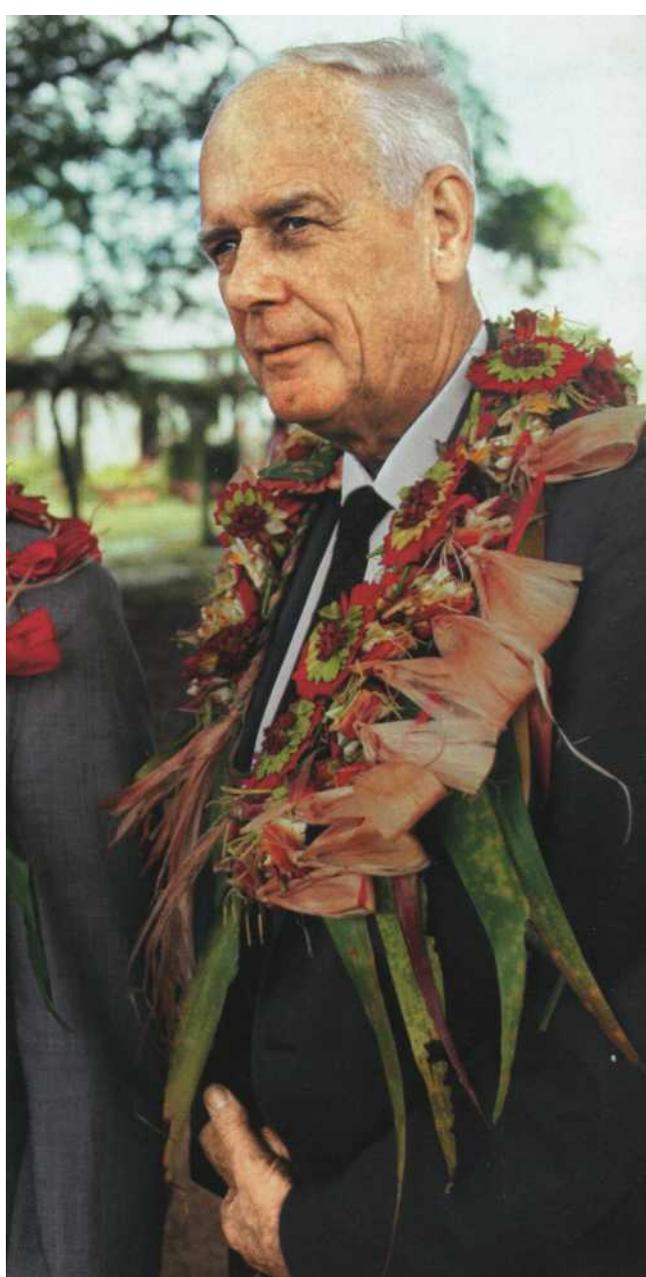
И вот на старости лет — просто сцена из дурного анекдота. Энн с доктором отдыхают наверху в спальне, на широкой супружеской кровати. Детей в тот день дома не было, поэтому любовники чувствовали себя в полной безопасности. Вдруг за дверью раздается голос Чарльза. Но он же должен быть сейчас на Амазонке! Когда Чарльз появился на пороге, Энн и доктор едва успели натянуть одежду и прикрыть кровать. Линдберг кивнул жене, пожал руку врачу, сказал пару слов о погоде и спустился вниз.

...Генерал Линдберг послал Джона за женой. Когда Энн вошла, Чарльз полулежал на кровати в своем любимом рабочем комбинезоне цвета хаки, в котором хотел, чтобы его похоронили.

— Чарли, не рано ли ты собрался? — попыталась пошутить обмершая Энн, но голос сорвался.

— Сядь, — он указал место у кровати и, слегка задышавшись, стал отдавать последние распоряжения, связанные с его завещанием.

И вдруг:

— Теперь тывольна выйти замуж за своего П. Он, разумеется, баба в юбке, и я был шокирован твоим выбором, но после моей смерти ты свободна поступать по своему усмотрению.

Выцветшие глаза Чарльза с беспощадным укором смотрели на жену. Энн оцепенела: с доктором П. они расстались 15 лет назад, она и думать о нем забыла!

— Чарли, что ты такое говоришь! — бормотала пожилая женщина, накрыв ладонью его высохшую руку. — Разве я не отдала тебе всю себя? Разве...

Энн не смогла сдержать рыданий, слезы неудержимо катились по ее увядшим щекам, плечи судорожно вздрагивали.

— Прекратить! — рявкнул Линдберг. — Я еще жив. Вытри эту соленую жидкость и давай прощаться. Потом позовешь детей.

P.S. Чарльз Линдберг умер 26 августа 1974 года, его жена Энн скончалась 7 февраля 2001 года в возрасте 94 лет.

Пэгги Лу